

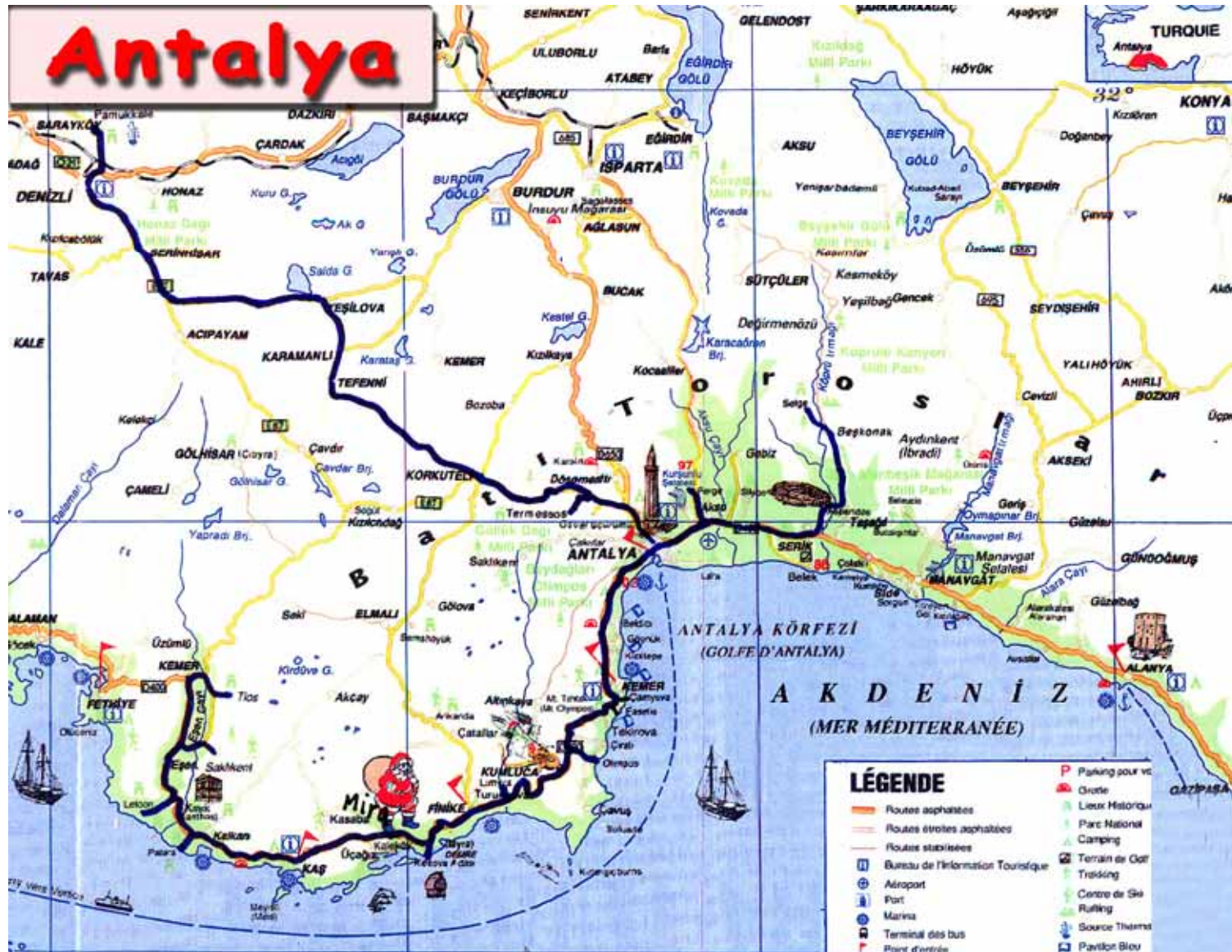
Евгений Плоткин

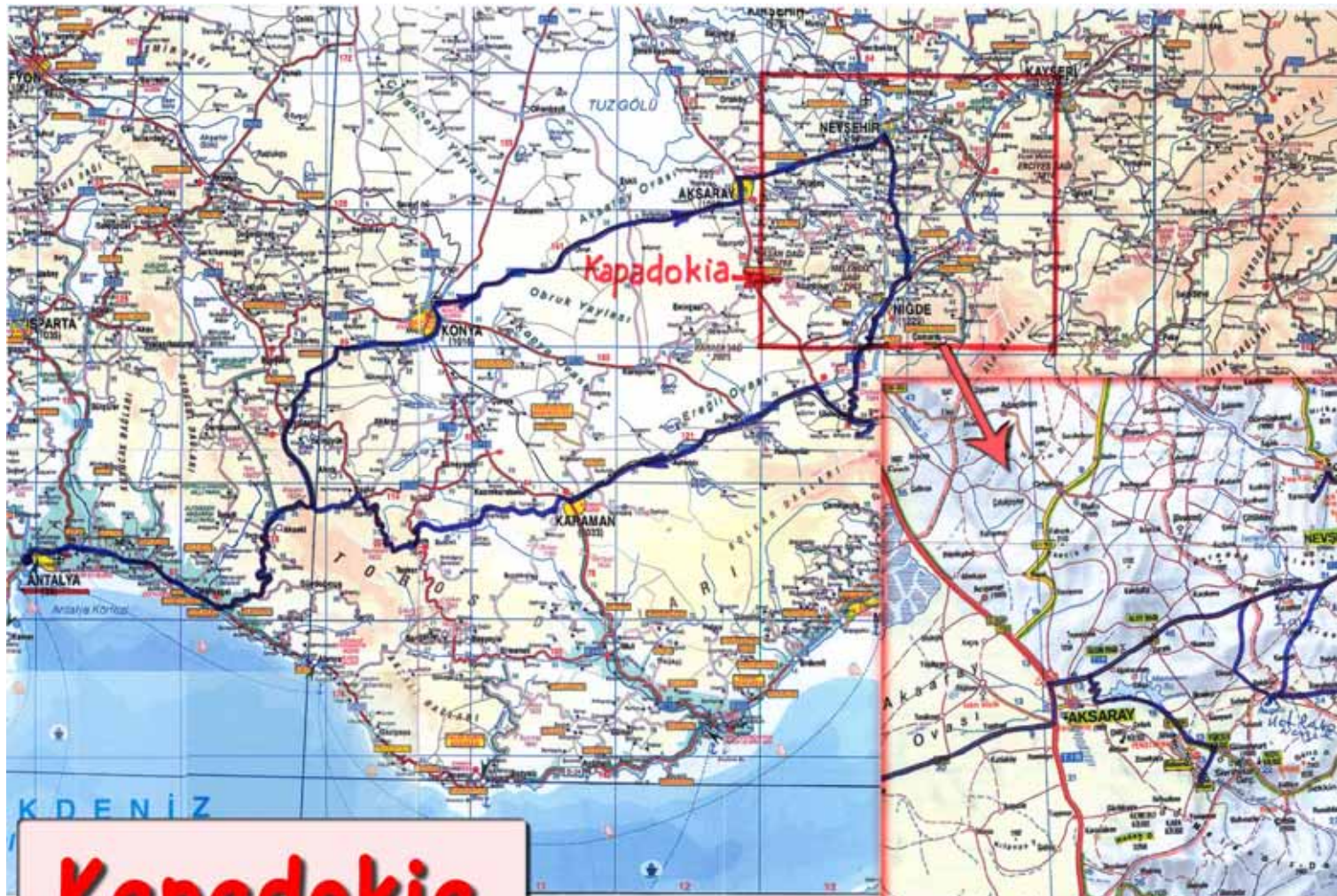

Турция в разных ракурсах

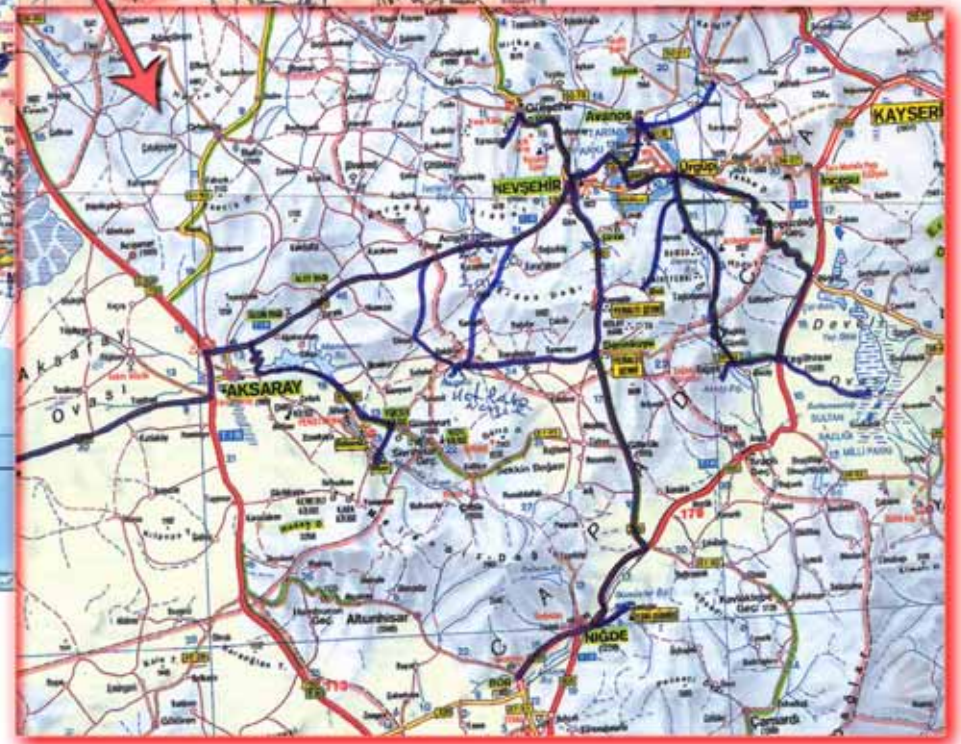

Kapadokya

ТУРЦИЯ В РАЗНЫХ РАКУРСАХ

Как-то в Японии я был поражен тем, что каждая ее провинция имеет свои символы: свой цветок, свое животное, может быть свою рыбу или свое дерево. И я вспомнил, как банально, но точно, ассоциируется детство с березой – хоть вроде и не Есенин, и нос не курнос, а все же – береза... Как весна приходила с цветением черемухи и свежестью сирени, а раннее лето дышало ароматом липы... В свое время Скрябин связывал музыкальный и цветовой ряд, и, видимо, в партитуре воспоминаний имеется еще и дорожка для гаммы ароматов.

Турция благоухала спелым инжиром. Мы как раз попали на время его урожая, и периодически волны пьянящего сладковатого аромата фиговых деревьев напоминали: мы – в Турции. Эдем не Эдем, но именно здесь когда-то зарождались, расцветали и гибли великие цивилизации.

Много лет назад дедушка Исаак подарил мне пять рублей. Деду к тому времени было около 90 лет, и он сутками сидел в своей комнате. Его окружали тысячи папиных математических книг. Книги стояли на стеллажах в строгой субординации и любовном беспорядке. Они были многократно востребованы и жили насыщенной светской жизнью. У стеллажей тоже была своя пыльная, но блистательная судьба и, сознавая это, они великолепно смотрелись с улицы, набитые чудовищной математической мудростью.

Дед все время о чем-то думал. Иногда ему приходили в голову идеи. Однажды он решил, что ему нужна сиделка. Он позвонил в собес и попросил прислать ему женщину на ночь. В собесе, не моргнув глазом, ответили, что они таких услуг не оказывают. Тогда он попросил прислать мужчину...

И вот, в канун моего дня рождения его посетила мысль подарить мне пятерку на покупку книжки. К пятому классу я бредил греческой мифологией и, получив подарок, сразу полетел в "Букинист" искать себе "Легенды и мифы Древней Греции" Куна. Сейчас они растиражированы, доступны, иллюстрированы и обласканы читателем. А тогда... Букинистический магазин находился на углу улицы Ленина. Это место было для меня одновременно набережной Сены, Латинским кварталом и всемирным книжным развалом. Зайти в магазин, понюхать запах старых книг и журналов, постоять перед привозом в возбуждении – а что там?.. а если там Вальтер Скотт – вынесут или нет?... или сразу под прилавок, чтобы никто не увидел, что Скотт – там, а он – Скотт – он розовый такой, от обложки до кончика корешка, а щелка под прилавком – узенькая, но я знаю, что все равно угляжу, а если не угляжу, то есть там продавщица Валя, человек добрый и еще не скурвившийся, и надо постоять, заглядывая ей в глаза, и может быть удастся купить что-то заветное, если денег хватит, но я же заначил пару рублей с завтраков, вот хватило бы, если Валя выдает книжку на прилавок... Ах, какой это все кайф, кайф, кайф!!!...

"Легенды" стояли на полке в синем надорванном переплете, на котором один древний грек что-то подносил другому, не менее древнему, греку. Я их цапнул и принес домой деду Исааку. Он взял ручку и надписал то, что всегда пишут на дни рождения...

"Легенды" стояли на полке в синем надорванном переплете, на котором один древний грек что-то подносил другому, не менее древнему, греку. Я их цапнул и принес домой деду Исааку. Он взял ручку и надписал то, что всегда пишут на дни рождения...

Спасибо! Спасибо! Зачитываясь этими мифами, где человекоподобные в своих страстях боги были почти так же реальны, как люди, а люди стремились стать богами, я никак не предполагал, что читаю на самом деле путеводитель по вполне конкретной современной стране – Турции. Лишь временами какой-либо сюжет переносит в Грецию и сопредельные страны, а потом снова – Турция, Турция, Малая Азия. "Бессонница, Гомер, тугие паруса..." Это уже позже, 10-й класс, Мандельштам, но сейчас прошло время, и кажется – все было вместе, спрессованное и упругое, в упаковке под названием "юность". Дарданеллы – Геллеспонт, а где это? Где плавал Одиссей, где был край той Ойкумены? Где было руно, а где – Сцилла и Харибда? Как вообще устроена земная география древнегреческой мифологии?

Мы проехали по Турции тысячи насыщенных красками километров и вынесли совершенно особое чувство прикосновения к колыбели цивилизации. Может, именно оно так потрясло в свое время Шлимана. Ощущение было настолько пугающе зримым, что казалось: протяни руку – почувствуешь, как колыбель качнулась; помедли, напрягая силы – и история вновь застыла, ожидая следующей чуткой руки.

Страна оглушила своей природой и своей, вернее, чужой культурой ушедших великих царств. Пожалуй, впервые я осознал, каким был реальный греческий мир, куда шел Александр Македонский, как сталкивались восточные, принесенные ветрами Месопотамии культуры и деспотии с мощным напором эллинистической культуры, как именно все это варилось в гигантском котле, оставляя колоссальные следы – театры, некрополи, фризмы, колонны, саркофаги, все эти античные камни, проросшие дикими злаками и обрамленные огоньками цветущих анемонов. Современная Турция предстает анти-Сфинксом, раскрывающим загадки эллинизма.

Мы проезжали город, где родился Гомер – это Измир-Смирна, были на родине Геродота, на родине Эзопа, видели Трои – пусть даже не Гомеровская она, пусть лишь легенда, вымысел, и даже сокровище Приама – лишь найденный клад, и не было в этих местах никакой Кассандры – "без умолку безумная девица" – и Париса не было, и его суда, но мы-то – видели!..

Мы видели гористый, лесистый, красивый остров Лесбос, где танец, страсть и стихи Сафо сошлись воедино. Мы были в Милете и, поднявшись на его амфитеатр, видели огромный город-порт, который ушел навсегда – из истории и из жизни, когда от него ушло море, а с городом и морем исчезла и знаменитая Милетская школа философов. Анаксимен, Анаксагор, Анаксимандр, Фалес – по-моему, курсе на третьем все это зубрилось и покрывалось налетом отращения.

В Ассосе мы видели храм, где основал философскую школу Аристотель. Его дорические колонны до сих пор стоят над морем, такие же упертые и прямолинейные, как и та философия, что создавалась здесь две с гаком тысячи лет назад.

А в 20 километрах от Милета лежит несравненная Дидима – второе после Дельф святилище Аполлона эллинского мира. Руины великолепные: огромный, невероятный храм, который строил тот же архитектор, что и храм Артемиды Эфесской, полустоит-полуспит в центре прямоугольника из мраморных

барельефов, изображающих Медузу Горгону – именно ее малосимпатичный образ украшал почему-то фасад длиной 150 метров. Раз в году, во время посвященных Аполлону игр, к Дидиме по священной двадцатикилометровой дороге из Милета шла процессия. Оракул – а это была женщина, и выбирали ее на год – так вот, оракул пророчествовал во время игрищ; ему задавали вопросы, приносили жертвы, и, надышавшись трав, дающих свободу сознанию и языку, оракул отвечала, причем односложно – "Да" или "Нет". Никаких "может быть", все должно быть четко, как в загсе или перед алтарем.

Недалеко от Дидимы, в 100 км, в Эфесе сохранилось то, что не спалил незабвенный Герострат – посередине заросшей травой гигантской прямоугольной ямы стоит дивной мощи колонна, увенчанная гнездом совершенно обычного, рабоче-крестьянского аиста. Мы ходили по античному Эфесу, как ходят по современным городам: по центральной улице, от публичной библиотеки к публичным домам, публичным туалетам, публичным баням. По дороге попадались пропилеи, агора, амфитеатр на 25 тысяч зрителей, мозаики...

Здесь, в Эфесе, позднее Иоанн Богослов дописывал свое Евангелие, и в Эфесе же находится то, что осталось от грандиозной базилики, построенной Юстинианом – первым христианским императором Византии, издавшим законы, порицавшие воров и математиков (а воров-то за что?!..) Когда-то здесь собрался Вселенский собор, а за три века до этого в Эфесе появился на свет "отец истории" Геродот.

Мы были во Фригии – здесь в Гордионе зимовал в минус 333 году Александр Македонский, здесь он разрубил Гордиев узел, а завязал его здесь же царь Гордий – потомок царя Мидаса, того самого, что получил от козлоногого Силена в дар способность превращать в золото все, к чему он прикасался. Измученный Мидас смыл свой дар в ручье. Вода струилась, желтея, золотой поток слабел, смешиваясь с песком, песок разносился по долине, поглощая золото. Царь стоял в реке и ждал, сатиры по холмам играли на ивовых свирелях. Вместе с потоком уходило заклятие Силена – исчезало и "прикосновение Мидаса". Sic transit gloria mundi... А затем выросли у Мидаса ослиные уши, и он носил шапку, но бровей, зная об этом и не в силах скрыть свое знание, прошептал камышу: "У царя Мидаса ослиные уши" – и весь свет узнал об этом, и мы тоже. Но как можно было представить, что все эти полуполюгенды имеют точную географическую привязку?.. Камыш там и сейчас растет, пробиваясь сквозь такыр – усеянную яшмой каменистую глинистую почву. Глина сохнет и трескается на ветру, такыр бормочет что-то заунывно-восточное, а камыш до сих пор шепчет: "У царя Мидаса ослиные уши, уши..."

Я пошел к берегу реки и наткнулся на прелестный кремень. В его фактуре явственно проступали силуэты окрестных гор. Такой образец – всегда редкая удача. Сердце учащенно забилось – это лезли ослиные уши фанатика-коллекционера, когда-то прятавшего любимый камень на ночь под подушку...

Мы проехали и посмотрели неисчислимы некрополи Ликии – "страны волков", ведь Ликос по-гречески – волк. Предание, связанное с названием страны, вкратце – а ля Тэффи – выглядит так. Зевс однажды полюбил Лето – не время года которое любят все, а титаниду Лето, и она родила ему двух близнецов, Артемиду и Аполлона. Ревнивая Гера – а это устой-

чивое словосочетание, ну примерно как "и примкнувший к ним Шепилов" – ревнивая Гера, покровительница домашнего очага, решила известить Лето. Зевс создал для Лето остров у берегов Малой Азии – Делос, там близнецы и родились. В придачу к острову Зевс создал специальное устройство для охраны внебрачных детей – жену свою Геру и ее наклонности Зевс знал хорошо... Потомки назвали устройство волком. Просто так привычнее, понятнее, да и спокойнее. Ну, что за волки в Средиземноморье?.. Такие целенаправленные устройства вообще были в моде у богов. Вспомним хотя бы Иону и его кита. Какие киты около берегов Египта? Это был не кит, хоть китом и назывался, а плавучая гостиница, специально созданная для раздумий Ионы о его предназначении. Уникальный механизм в одном экземпляре. Каждой твари, как известно, по паре, а этот – один одинешенек. Работает всего три дня, морское исполнение, в чреве сидит пророк и думает – идти ему в Ниневию, не идти ему в Ниневию, где эта Ниневия... Так и с волком: разработан специально Зевсом для его детей, живет при них, не спит, не дремлет, все время бдит да зубами щелкает. Совсем как ГПУ при Советской власти. Вот охранял волк Аполлона с Артемидой, охранял – и появились на свет ликийцы, дети волков. Видно, было у него все же свободное время...

За этим мифом стоит реальная история возникновения образа древнего, не эллинистического бога Аполлона, и можно проследить, как этот образ приобретал черты благородного эллина. Аполлон и Артемида – несомненные лидеры в пантеоне малоазиатских богов. Но мы видели еще и смешение восточных культов с эллинскими, и Артемида в них связывалась с сексуальной – восток! – фригийской богиней Кибелой.

В Ликии архитектурно-исторические чудеса сыплются, словно игрушки из новогоднего мешка Деда Мороза. Не зря святой Николай – Санта Клаус – Баба Ноэл – Дедушка Мороз-Красный-Нос родился здесь, в Патаре. В Мире находился тот собор, где в IV веке он был архиепископом и по доброте душевной клал на Новый Год бесприданницам мешочки с деньгами в дымоходы – вот так все и начиналось. Нынешний храм построили в X веке византийцы, и, спускаясь по мраморным ступеням, чувствуешь некую робость перед всплеском чьего-то архитектурного гения. В соборе хранились мощи Св.Николая, но уже в XI веке их украли специально присланные командос из итальянского города Бари. По дороге пара костей была потеряна – вот они-то и хранятся сейчас в музее Анталы. Злые языки говорят, что кости разнополюе... но что нам злые языки каких-то нерадивых студентов – тех, что Маркса от Энгельса по берцовой кости отличить не могут.

В трех километрах от собора в Мире находится некрополь и римский амфитеатр. В Турции амфитеатры и театры можно коллекционировать, как марки, или, скажем, спичечные этикетки. Сначала они все на одно лицо, что китайцы в поле, но потом появляется тяга к разглядыванию особенностей архитектуры, ландшафта, стиля. Наряду с вызывающими уважение реставрированными гигантами типа Аспендоса можно наткнуться на подлинные шедевры, затерянные в горах, лесах или просто в турецких селах, где до них нет никому никакого дела. Безлюдные, а потому таинственные и привлекательные, они ждут, когда провяжутся длинные тени, а камни станут теплыми и шершавыми. Вокруг тишина, запах сосны и разогретой травы, редкие голоса вечерних птиц. Надо найти колонну, желательно из белого мрамора – ведь колонны, даже упавшие,

обладают особой энергетикой. Можно к ней прислониться и настроить воображение, как настраивают скрипку. Микеланджело говорил, что каррарский мрамор обладает скрытым движением, которое освобождается ударом резца. Точно так же античные мраморы наделены скрытой памятью, которую можно освободить силой воображения. Разогретый камень скользит под рукой, искрясь кристалликами кальцита. Вот трещина на камне – это, наверное, землетрясение, а вот и выбоина – это уже человек, может быть перс или ассириец. Постепенно ритм ушедшей жизни звучит все отчетливее, а ассоциации становятся все менее прямолинейными. Никогда – никогда! – не ощутить такой момент истины в Колизее или на арене Вероны, никогда – никогда! – не вернуть искренность камням Акрополя. Там – другое; может, это и хорошо.

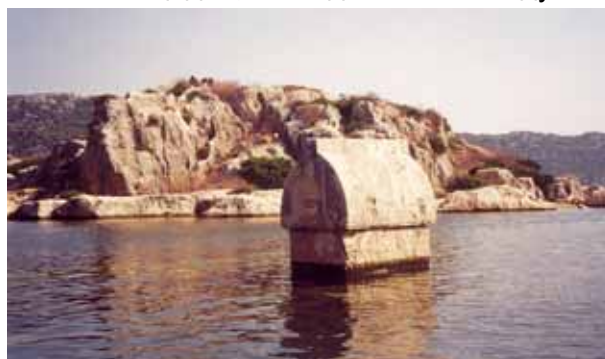
Амфитеатр Миры сопряжен с ликийским некрополем. Таких скальных некрополей, темнеющих проемами по склонам гор, много по всей Ликии. Сначала от каждой рукотворной дырки в скале ждешь новых эмоций, но потом потихоньку привыкаешь и обращаешь внимание лишь на что-либо грандиозное или таинственное, такое как некрополи в Фетхие или Мире. Некрополь Миры – особенный. Около него разбросаны фрагменты невозможных по совершенству исполнения мраморных масок.

Может быть, это декор бывшего здесь римского театра, а маски – его персонажи, не имеющие никакого отношения к некрополю? Но они совершенно не римские, с восточным колоритом и темпераментом. Рты очерчены и наполнены страстью, глазницы – пустые и опасные. Кто знает, как здесь все выглядело когда-то? Унылый вид окружающего поселка порождает мысли о тысячах жителей, заполнявших амфитеатр в ожидании приезда в Миру Германика, о прихожанах базилики, о строителях некрополя; о том, как на место расцвета приходит убожество, и что есть расцвет, а что – тупик.

Мы плавали над затонувшим ликийским городом около острова Кекова: плывешь, а под днищем корабля дома, улицы, амфоры... а вода – бирюзово-индиговая. Непонятно, как вообще такое могло сохраниться. Место изумительной красоты, слегка напоминает ладожские шхеры. В море и на берегу стоят ликийские саркофаги. У них полукруглые крышки и идеальные пропорции. Над островом Симена господствует турецкая крепость. Конечно, это новострой по сравнению с саркофагами, но новострой талантливый по своему расположению. Идешь к крепости вверх мимо оранжевых настурций, мимо раскинутых по теплым бокам заборов ярко-красных ковров, мимо персиковых и абрикосовых садов, мимо гробниц и каменоломен, "Мекки и Рима мимо..." И вот вверху остается только турецкий флаг, а внизу – вид на пролив между островами. Солнце палит нещадно, но вид на "Атлантиду" заставляет забыть обо всем.

Однажды мы были недалеко от Кековы зимой, не в сезон, и почти все яхты стояли сухими на берегу. Поискав, мы наняли какого-то молодого турка. Парню на вид было лет 25 и чувствовалось, что он твердо хочет заработать за извоз на Кекову по доллару за каждый прожитый им год. Его фелюка – рыбацкий катер с широким носом и каютой, но без бортов – была как раз на плаву. Но для начала он посадил ее на мель перед причалом. Мгновенно собра-

лось изрядное количество усатых галдящих мужчин. Как по команде, они сняли все три пары своих штанов и, сверкая белыми подштанниками, совместными усилиями сняли катер. Намокшие кальсоны явили миру упитанные формы и полное отсутствие трусов. Вот зачем туркам столько хлопка – на кальсоны!

Потом "наш" турок постелил на нос кошму и усадил на нее родителей, а нас – на крышу каюты. Очевидно, он хотел, как лучше... И мы вышли в море. Я держал родителей ногами за плечи, слегка матерился, но думал, что когда зайдем в ветровую тень архипелага, будет нормально. Действительно, через несколько минут все стихло, а красота была такая, что даже удалось забыть, как и на чем плывем. Море – очень и очень богатое, это не Израиль и не, скажем, Испания. Изрезанные берега, в воде видны осьминоги, лениво перебирающие красными щупальцами, звезды, ежи, много

прочей живности. Когда же доплыли до островов, то – о чудо! – из-под носа лодки вспорхнули летучие рыбы. Махая плавниками, как крыльями, и искрясь синеватым серебром, они отлетели метров на 15. Ну, а потом суденышко вошло в пролив между островами и налетела бора, тремонтана, что там угодно – злой ветер с гор, а не с моря. Катер стал проваливаться между волнами, родители, не имея вообще никакой опоры, кроме моих ног, цеплялись за настил, мы на крыше были в шоке, турок виновато разводил руками – а хоть ногами, толку-то! Но самое главное – надо было повернуть к острову, и этих пяти минут бортовой качки я не забуду никогда! Всех могло скинуть в воду как котят. В общем, доплыли...

В Ликии есть свой Олимп и свой Олимпос. Не знаю, какие боги жили на вершине турецкого Олимпа, а в Олимпосе во время одной из своих поездок жил император Адриан. Почему-то мне кажется, что он полтора года писал в Олимпосе книгу. Вообще, странный был человек – строил дороги, города, путешествовал, интересовался культурой, наукой. При этом Иудейское восстание подавил без сантиментов, жестоко и эф-

фективно, а о его мерзопакостном характере ходили легенды. Бродя среди почти невидимых среди лиан развалин, трудно представить, что здесь был город на судоходной реке, ставший на время резиденцией властителя огромной империи. Сейчас все выглядит камерно и провинциально. Но какие отражения плещутся в быстрой воде, искушая, словно бесята, любого, кто окажется в их власти!..

В средние века в Олимпосе были венецианцы, генуэзцы, родосцы. Генуэзская крепость над бухтой и античным городом смотрится прекрасным современным зданием, примерно как Эйфелева башня на фоне средневекового Парижа.

Очень понравился ликийский Фаселис, руины которого занимают живописнейший полуостров километрах в 70 от Анталии. Сильнейшее впечатление оставляет гармония трех гаваней этого некогда пиратского города, трех заливов бирюзового цвета; рядом театр, пропилеи, агора – это тор-

жество серого, вкрапленного в зеленую волну великолепных сосен; и, наконец, над всем этим возвышается двухкилометровый Олимп со снежной вершиной, добавляя белой краски в и без того неправдоподобный пейзаж.

А совсем рядом, в местечке Химаера, ликийский герой Беллерофонт на своем коне – Пегасе – победил огнедышащую Химеру... Химера была гибридом козла, льва и дракона – действительно, неприятное сочетание, независимо от порядка следования частей. Беллерофонт, помнится, был порядочным мерзавцем, но по заказу мог совершить любой подвиг. Вот он и загнал Химеру глубоко под землю, откуда она злобно дышит сквозь толщу камня. Смотреть дыхание Химеры следует ночью, и первый поход к ней не забывается. Сначала долго едешь какими-то турецкими огородами, потом пересекаешь вброд реку, потом что-то вроде леска на темном склоне – и тупик. Надо найти тропу и ползти в темноте вверх, постоянно сомневаясь в правильности пути, здравости ума и трезвости рассудка. Все сомнения забываются, как только начинают маячить впереди желто-голубые огни на склоне горы. Кажется, вся поляна светится синеватым холодным пламенем. Но проза жизни берет свое даже темной турецкой ночью: в том месте, где когда-то летал Пегас и Беллерофонт с копьем поражаля Химеру – там теперь местные турки греют на ее огненном дыхании чай... А ведь именно отсюда произошел Георгий Победоносец, поражающий змия – и он имеет турецкие по географии корни.

Сейчас тропу обустроили, сделали ступеньки, указатели. Скоро, наверное, и пламя будут выпускать порциями: стоит автомат, бросил доллар – Химера выдохнула, бросил два – поджала лапу, бросил три – появляется голографический Беллерофонтик на голографическом Пегасике...

От Химаеры недалеко до Термессоса – а это уже Памфилия. Вот это и странно – как близко на самом деле жили очень разные народы! А народы и в самом деле разные; хоть и восприняли эллинизм, но каждый по-своему. Термессос лежит среди гор на высоте около 1000 метров. Город хорош всем, и особенно тем, что его вообще не реставрировали: что упало – то упало, что стоит – то стоит, а что под землей или среди леса – то до сих пор там. Для тех, кто повидал всякие реставрации, реконструкции и консервации – это как бальзам на душу. Горы покрыты дубами, среди дубов лежат серые камни, с неба на все это флегматично смотрят орлы.

На самом верху находится амфитеатр. Он совсем не ликийский – все грубо, но добротнo высечено из камня, нет приморской витиеватости, километр с лишним высоты подразумевает лаконичность. В Термессосе хорошо побывать в дождь. Воздух можно пить, смакуя. Но главное – можно взять небольшую лопатку или просто палку и покопать землю недалеко от каких-либо рукотворных камней. Несколько монет римской эпохи – обычная вещь в этих краях.

Тем более, в дождь здесь никого нет, и это ободряет. На самом деле не стоит увлекаться: турки большие любители брать в аэропорту туристов за соответствующие места в связи с умыканием "исторических ценностей", которых они не создавали, но которыми обладают по праву.

В Термессосе необычный некрополь. Многие саркофаги стоят невостробованными, с открытыми выразительными крышками. Такое чувство, что Страшный суд уже состоялся, и

все, что могло, давно восстало и ушло. Среди саркофагов есть еще недоделанные, попросту наполовину вырубленные в скале. В эти явно никто не въезжал. Зачем тогда делали?.. Странное ощущение, особенно когда мы были там одни. Тишина, горы, саркофаги... машина времени.

Мы были в Летаоне, где стоял когда-то храм Лето с Аполлоном и Артемидой. Сейчас среди постаментов плавают тысячи забавных черепашек. Они вылезают на капители ушедших в воду колонн, греются на солнце и самозабвенно позируют. Может, нам просто повезло и у них там проходил какой-то черепаший конкурс красоты, а может, они нашли золотой ключик и искали подходящую дверцу.

Рядом, в Ксантосе, была столица Ликии. Развалины города и сейчас дают простор для фантазии, особенно после посещения Британского музея, где выставлены все сливки местного акрополя.

Тем, у кого имеются благие автомобильные намерения, стоит съездить в Селге. Вначале дорога идет вдоль красивого каньона – по нему предприимчивые русские хлопцы организовали рафтинг для желающих. Но это летом, а зимой здесь забытое место, спящее в горах в ожидании грядущего счастья. Дорога загибается и упирается в римский мост и указатель: "11 км Селге". До Селге почти километр вертикального подъема, мерзкая грунтовка, и лишь две мысли волнуют по-настоящему: не навернуться бы (ну, это понятно) и – неужели в конце этого безобразия будет город? Дорога идет вдоль узкого хребта, ни одного поселения вокруг, много простора для полета и совсем мало для жизни.

Удивительно, но на вершине горы находится село. Турок-полиглот просит денег на хорошем английском и плохом русском. Местные детки – шакалы, готовы козла выдоить из-за какой-либо цветастой наклейки. Уже потом я прочел, что жители Селге на общем турецком гостеприимно-разгильдяйском фоне отличаются своей нагловатостью. На окраине деревни – здоровенный амфитеатр, церковь, еще какие-то строения. Видно, что здесь, среди снежных гор Тавра, был город тысяч на 20 человек. Интересно, таврос – это бык; куда они делись, дав название хребту? Что здесь делали люди? Жили – но с кем, и как общались, о чем думали, чем занимались, чему радовались? Всегда в горах возникают мысли об обособленности жизни, но руины, казалось бы, свидетельствуют об обратном.

Ощущение непонимания истории очень романтично и почти не зависит от географии. На берегу озера Волго, что на Валдае, стоит колоссальных размеров деревянный Ширков погост XVI века, а рядом громадный каменный храм XIX-го. Построили когда-то – и они существуют, независимо от того, кто и зачем их строил. Есть в этом какой-то иррациональный смысл. Сколько сейчас ни гляди на погост или амфитеатр, ничего яснее не становится. Что в Селге, что на Валдае.

В Селге стемнело, по-настоящему, как в пустыне. Похоже, здесь и электричества нет. Обратная дорога вниз была в полной темноте – и славно...

Мы были в Галикарнасе и видели то, что осталось от еще одного чуда света – Мавзолея. А рядом, в Карию, был сатрапом тот самый хмырь – Мавзол, от чьего имени и пошло само название – Мавзолей: вот куда, оказывается, водили пионеров на туманной заре нашей юности...

Мы проехали местность, которую Марк Антоний подарил Клеопатре. Говорят, царица была некрасива, но страстна

и умна. Влюбленный Марк Антоний дарил Клеопатре все, что захватывал – то Иерихон, то кусок Киликии.

Мы были в местечке, где умер император Траян, пересекли речку, где утонул во время крестового похода Фридрих Барбаросса, были в городке, где родился Савл, ставший апостолом Павлом. Сюда же, домой, в Тарсус, он привел после известных событий Деву Марию...

Мы, мы, мы – это звучит как-то нескромно, но в Турции мощь истории действительно накатывается на каждого, кто хочет ее воспринять. В бесчисленном ряду впечатлений были три вершины, три пика, которые особенно запомнились: Стамбул, Кападокия и Немрут Даг. Да, и Памукале, конечно – четвертый пичок, осажденный туристами, но выживший, благодаря силе своего очарования.

Памукале для меня играет особую роль среди турецких красот. Он был первым из "невозможных", "недоступных", "книжных" турецких мест, ставших реальностью. Подъезд к нему не представляет ничего необычного. Сначала возникает город Денизли, чем-то напоминающий Урюпинск, потом идет узкая невзрачная дорога, вся облепленная трикотажными магазинами, потом небольшой подъем среди желтых пологих холмов. Первой ласточкой приближающегося чуда служит какой-то удивительно компактный, почти карманный римский мостик в глубине оврага. А затем появляются желто-белые натеки на известняках и остатки римских поселений вокруг них. Дорога поднимается, и неожиданно белый сахарный холм предстает во всей красе. Это и есть, без всяких скидок, чудо – не только террасы, покрытые ослепительным известковым туфом, с бассейнами горячей минеральной воды, но и необъятный античный Хиераполис над ними. Город никак не меньше Помпей. Если бы там покопать... Интересно, что его основал пергамский царь Евмен – и он совсем другой, чем близлежащие ликийские города. Много сложной причудливой резьбы по мрамору, богатейший декор храмов Аполлона и Артемиды, громадный некрополь, византийские улицы – все, абсолютно все сохранилось.

Театр в Хиераполисе занимает склон высокого холма. На его верхушку можно подъехать, и немедленно появляется турок, предлагающий что-либо купить. Небритый продавец предложил мне для начала пачку альбомов, а затем, даже не слушая отказа, быстро огляделся по сторонам и показал античную головку величиной с кулачок. Я не ожидал – обычно

за таким взглядом во всем средиземноморье следуют монеты. Искушение велико, а человек, как известно, слаб – я протянул руку посмотреть и был пленен красотой мрамора. "Сколько?" – спросил я, ожидая, что сумма будет долларов 400, и можно будет спокойно сказать, что – большое спасибо, поговорим в следующий раз. Турок снова оглянулся и сказал: "Четыреста долларов" – все шло по сценарию. Я сказал "спасибо" и повернулся к театру, и тут турок сказал: "Триста". Это был запрещенный прием, но еще в рамках приличия, так как что 400, что 300 – все едино для пролетариата от преподавания.

Продавец все же не отставал и перешел на турецкий – видимо, от волнения. Я тоже от волнения сказал, что страна очень красивая, что Памукале вообще – нет слов, и что большое спасибо, но – не надо. Турок с уважением смотрит на меня, как на умелого покупателя, и говорит: "Тридцать долларов". Это явно удар ниже пояса. Головка наверняка поддельная, но очень душевная, тридцатка – это всего в три раза больше, чем туристский шир-

потреб типа бесконечных штампованных Приапов. Но нельзя расслабляться – стоит начать, и удержку не будет. "Десять долларов", – говорю я и зажмуриваюсь – нельзя же продать такую головку за такую цену. И тут турок говорит: "Забирай!" Я стоял, держал в руках головку человека с волоокиными глазами и немного боксерским носом и спрашивал себя: ну как такое получилось, ведь не хотел же! А, видно, хотел...

Турок растворился. Теперь уже я огляделся по сторонам и пошел в театр, на галерку. В театре была группа корейских туристов. Корейцы обычно очень земные и конкретные ребята. Неожиданно одна из туристок вышла на сцену (или, вернее, сцену), как будто собиралась петь, и – запела. Звук замирал и возвращался, почти как в церкви Гехарда в Армении. Я нащупал в кармане купленную головку, погладил ее и пошел вниз – пора сматываться, пока не произошло еще что-нибудь.

Раньше известковые террасы Памукале были полны воды. Потом воды стало меньше, а людей больше. Воду пускают периодами, не во все террасы и не всегда. Купаться в них нельзя, для этого существует специальная строго платная купальня Клеопатры. Это довольно глубокий бассейн, на дне которого лежат мраморы, а на поверхности резвятся желающие поправить здоровье или просто получить удовольствие. Мы с Игорем пристроились на мостике и, разомлев, стали обсуждать бесспорные анатомические достоинства филейной части одной юной симпатичной особы, буквально в полутора метрах под нами. За границей создается иллюзия, что твоего родного языка никто не понимает. Это большая ошибка. Особа повернулась не менее симпатичной передней частью и сказала на безукоризненном русском: "Я прекрасно понимаю все, что вы говорите!" Игорь ответил, не моргнув глазом: "И что, мы сказали что-нибудь плохое?"

Девушка была, что надо – во всех смыслах: "Да нет, продолжайте, мне приятно", – и уплыла вслед за потоком целебной известково-радоновой воды. После бесконечных давящих памятников эллинизма так хорошо получить между глаз от юной фемини! Чувствуется – жизнь идет, не все еще развалилось, есть шанс у человечества.

Закат в Памукале – отдельное зрелище, которого ждут, фотографируют, а потом не забывают. Солнце отражается в бассейнах на террасах. Цвет бассейнов эволюционирует от небесно-голубого к золотисто-фиолетовому. Известковый туф сменяет свои белые одежды на розовые. Сидеть, смотреть на солнце, на долину, на известковые поля, опустив усталые ступни в теплую минеральную воду и ни о чем не думать вообще – вот истинное счастье.

Кападокия начинается с плоской, как блин, равнины. Все линии такие прямые, словно земля – ватман, а природа – чертежник. Дорога идет, как летит, а вокруг клубятся смерчи и смерчки. Они небольшие, не страшные, им не то что домик Эллы – сурка с обочины не унести, но их много, и они затягивают своим круговым движением, как вода или огонь. Если на них нацепить остроконечные шапки и одеть в белые юбочки – точь-в-точь экзотические вращающиеся дервиши из недалеких окрестностей. Впрочем, равнина – это еще не Кападокия, а лишь прелюдия к ней. Мы возбуждены, ждем смены декораций и развития Действия.

И вот впереди... Кападокия – игра природы, сказка пейзажей, причуда божественного гения, дышащая ощущением своей невозможности, вся в абрикосовом безумии. О, абрикосы ведрами, абрикосы ящиками, абрикосовые сады, абрикосы – оранжевые плоды среди зелени листьев на фоне белых, желтых, красных – и снова белых гор!

Восход. Мы в кемпинге, в Гореме, в самом центре Кападокии. Солнце лупит по здоровенной вишне над палатками. Птицы уже мародерствуют среди ягод, а мы еще лежим, как тюлени. Вишни крупные, темные и сочные – никакой подмосковной хилости или петербургской анемичности, все ядерное, обильное и сладкое. Вставайте, граф, нас ждут великие дела!.. Скоро вся физиономия липкая и довольная, пора в туалетный блок, facilities, так сказать, но дойти до них трудно, почти невозможно – желтые, с красными крапинками, спелые

абрикосы преграждают дорогу. Сколько же можно с утра лопать немых даровых фруктов? Трудно сказать... наверное, часа полтора-два... Но заряд бодрости – на целый день! Со смотровой площадки за кемпингом открывается вид на долину внизу. В разогретом воздухе слегка подрагивает и колеблется непривычный ландшафт незнакомой страны. Как-то надо его понять...

Вокруг действительно невероятные пейзажи. Здесь было вулканическое плато, засыпанное пеплом и залитое лавой. Время и Эол сделали свое дело: вместо гор стоят грибы, столбы, каменные истуканы; формы настолько причудливы и изощренны, что хоть стой на голове, хоть крутись волчком – мир вокруг не станет привычнее. Но, в общем, все понятно – вода, ветер, время. Время, вода, ветер... Это бывает. *Gutta cavat lapidem* – капля камень точит. Время может многое...

Надо дожидаться заката или восхода – заката проще. Тогда в нужных точках на круглые формы белых волн холмов ложатся острые тени. Есть в этом что-то восхитительно сексуальное, слегка невозможное, но бесконечно гармоничное – как экстаз. Тени удлиняются, темнея, аромат инжира пьянит, душа пьянеет, разум засыпает. Нет ветра, тихо, как в начале чувственной южной ночи. Природа готова на любое безумство. Так, наверное, и родилась Кападокия.

...А время душу не опьяняет, время, как и ветер, ее сушит...

Гореме сверху больше всего напоминает гигантский термитник. Из всей геометрии решительно доминируют конусы. В некоторых видны окна, двери, арки, а люди издали кажутся муравьями. Но конический мир характерен лишь для района Гореме, кападокийские формы очень разнообразны и разноцветны. Каменные столбы, деревья, грибы, верблюды, черепахи, птицы, драконы – все водится в изобилии. Среди этого зверинца рассыпаны пещерные церкви, монастыри, села и целые пещерные города. Сюда пришли христиане странных конфессий, где-то в VII веке – из Месопотамии, Сирии, Византии – и здесь сохранились фрески этих времен. Сохранились пещерные церкви – тысячи. Сохранились подземные города – десятки. Мы спустились в один из них: на глубине 60 метров жили люди – видно, очень страшно было жить наверху. Сейчас наверху шумит базар и продают кукол в национальных одеждах. У них индифферентные лица и роскошные платья сельских красоток. У каждого народа куклы, как и сказки – свои.

В Кападокии хочется пить, есть и смотреть, смотреть до изнеможения. Вино продают, в основном, македонские турки. Говорят, они бежали сюда из родной Югославии, спасаясь от славян. Винные подвалы вырублены в мягкой породе. Заходишь в такой подвал, в полумраке ничего не видно, чичероне пока нет – сидишь и смотришь, как золотится входная дверь, как мальчик играет с кошкой, и кошка тоже вся позолоченная, от мордочки до хвоста, и мальчик совершенно пасторальный... Вино совсем неплохое, берем пяток бутылок, покупаем еще пахучий пшеничный хлеб – и едем смотреть закат.

Для заката имеется специальная закатная точка. Платишь – и едешь. На закате турки уже приготовили стулья, недорого, чувствуешь себя Кисой Воробьяниновым и Остапом Бендером одновременно... Раскупориваем бутылки вина, нам хорошо от красоты, от вина и от того, что мы хотим и можем, можем и хотим. Вино красное, с легким ароматом вишни, пить его легко, и голова потихоньку начинает отключаться. Внезапно возникает турок с большой черной камерой. "Турецкое телевидение, – говорит он, –

не хотите ли сказать пару слов, как вам наша страна". Почему не сказать с видом на закат – и мы говорим что-то банально-восторженное. Турок доволен и на прощанье спрашивает, откуда мы. И в самом деле, откуда? Простой вопрос, а напрягает. Все мы родом из детства, мы, конечно, "оттуда", но на полустанке "откуда-куда" с географией проблемы, и запад с востоком сходятся, как гора с Магомедом. Или, может, как ишак с эмиром...

Солнце, между тем, садится, и вся Кападокия от нас налево – на запад – напоминает "этуд в багровых тонах". Направо же краски нежно розовые, с голубоватой ажурной вуалью. Над ними парит четырехкилометровый вулкан Археос. Вдруг солнце цепляет линию холмов и стремительно, по южному, скатывается. Finita, пора допивать вино. Но нет – еще один яркий красный луч вырывается из-за горизонта и говорит "farewell" этому чудесному дню.

Хорошо живет на свете Винни-Пух, утром рано три стакана – бух, бух, бух... Солнце встало, и пока все спят в палатках, можно сделать ноги из лагеря часа на два – в белый свет, как в копеечку. Оказывается, рано утром в кападокийских холмах нет туристов, нет пастухов, нет суеты и жары. Едешь, пока дорога вьется. Уже от асфальта не осталось даже воспоминаний, но проехать все еще можно. Выхожу из машины и понимаю, что вижу село в скалах, человек на 700-800, но абсолютно пустое, причем пустое уже очень давно. И никого вокруг. Полуразрушенная пещерная церковь немного пугает, лезть туда совершенно не хочется. Единственный отчетливый звук – голубиное "курлы-курлы". Воздух начинает прогреваться, и в небе появляются десятки воздушных шаров. Это верный признак того, что пора обратно, день начался.

На утро запланирован осмотр долины могучих каменных фаллосов, а на вечер – ущелья каменных же бюстов. Порядок осмотра определяется простыми, как

гвоздь, реалиями: бюсты с утра совершенно плоские, нет теней – нет воображения, а фаллосы – они и с утра фаллосы. Идем по ущелью, формы выветривания становятся все харизматичнее. Конусы сменяются столбиками, столбики – грибочками, грибочки – пяти-десятиметровыми "анатомическими пособиями". Все ровные, словно инкубаторские, и натуралистичные, как с учебника по обрезанию. Впрочем, нет такого учебника, но все равно – их форма удовлетворит самого дремучего раввина. Все, что надо, обрезано "под полубокс" миллионов сто лет назад, вверху – твердые породы, внизу – более податливые и покладистые. Фаллосы стоят группами, как грибы после дождя. К одному из них привязан за веревку ослик. Рядом ходят представители отряда куриных. Петухи в основном. Апулея бы сюда. И Лафонтена.

Ущелье напротив Учхисара приобретает женские формы к заходу солнца. Есть в этом что-то первобытно-простое, как русский романс. "Лишь только вечер..." Под вечер в глубине ущелья возникают образы многогрудой восточной Арте-

миды Эфесской. Оказывается, скульпторы Эфеса были реалистами, почти передвижниками. Я всегда подозревал, что фантазия у мужиков, по большому счету, отсутствует. Просто кто-то из древних скульпторов побывал в Кападокии, в этом ущелье, вечером, клюкнул, прошелся по окрестностям – и потом умелой рукой запечатлел то, что увидел. А историки до сих пор спорят о малоазиатской Артемиде, как о символе плодородия, о зоологичности культа, о фиг знает чем. А всего-то надо придти под вечер в ущелье, раскрыть глаза, забыть о возрасте и увидеть божественные формы Артемиды – а также всех окружающих женщин...

От Кападокии дуреешь, восхищаешься и снова дуреешь – и не похоже, что это сходящийся процесс. Вернуться бы, посмотреть вулканические голубые озера, пособирать агаты в поймах рек, полазить по отдаленным ущельям, пофотографировать дефилирующих по мелководью фламинго, поездить по полированной поверхности соляных плато, подняться на Археос – может, процесс и сойдется, как легионы Суллы с войсками Митридата...

Бродский пишет, что это тоже было здесь.

Кстати, о Митридате или о Месопотамии – вернее, о них обоих. Месопотамия находится в Турции – конечно, не вся, но большая часть, к всеобщему изумлению, оказалась в Турции.

Мы купались в притоке Евфрата и пили из него воду – большая глупость, но пить хотелось так, что выпили бы и Евфрат, и море. И уроженцу этих мест, Эзопу, не о чем было бы писать басню. "Пойди и выпей море..." – страстно говорил Юрский в мои студенческие годы – так это тоже было здесь???

Мы были в 20 км от Урфы и лишь от общего обалдения и дикой усталости не заехали в нее – а жаль, ведь именно здесь был легендарный Ур Халдейский, здесь жил праотец Авраам и сохранилась его пещера (а как же!) – здесь ему явилось повеление идти со своим народом в землю Ханаанскую, и вот все евреи идут, идут, идут... Я всегда думал, это было в Месопотамии – все так, но в Турции.

Мы поднялись на вершину Немрут Даг – ночью, при свете луны, на два с лишним километра. Я не знаю, с чем это сравнить – может, с рассветом над Синаем на горе Моисея или с видом на Тибет или Ладак, не знаю... На вершине Немрут Дага находится некрополь семьи Митридата – царя Коммагены. Его построил Антиох, сын Митридата, в припадке мании величия и ввиду отсутствия всякой критики по отношению к себе, любимому. В результате на свет появился некрополь, где Антиох стоит в окружении близких родственников. В своей анкете он наверняка бы написал: социальное происхождение

– из царей, родные по материнской линии – греческие боги, по отцовской – персидские.

Некрополь состоит из насыпного холма – тумулуса – и двух скульптурных террас. Вот они – настоящее чудо света, не включенное в реестр из семи по причине своей труднодоступности. Антиох вел свой род от Александра и от Ахеменидов, то есть от греков и персов – и, как часто в Месопотамии, построил нечто, сочетающее в себе восточные и эллинистические культы. На вершине Немрута обитали боги и их воплощения – невероятные фигуры: орлы, люди, львы. Все дело в том, что они и сейчас там стоят. Никто их никогда не ломал, не отбивал носы, не отламывал половые члены, не царапал глаза, как это случалось в христианском мире по отношению к своим Зевсам и Афродитам. Я не знаю, почему. Это загадка. Может, просто забыли? Или жарко слишком, или боялись? Звучит неубедительно – но не хуже любого другого ответа. На террасе стоит Зевс – Оразмунд (Ахура Мазда), стоит Геракл, стоит Аполлон – Митра, еще кто-то – не помню. Лица необыкновенно выразительные и начисто лишены божественной отрешенности. В них и сейчас есть чувство и нерастратченная энергия.

Когда-то сюда пришли римляне – и лет через 30 после этого небольшое царство Коммагены рассыпалось. Сейчас пришли мы. Некрополь на вершине лучше смотреть на рассвете. Это означает на практике поездку при лунном свете, подъем на холодном ветру, бессонную ночь – и полный кайф от преодоления тех трудностей, которые сами же и создали. С вершины открывается вид на землю. Где же тогда находимся мы?..

Немрут Даг – это, по-видимому, западный Курдистан. На вершине горы были курды – двое в национальных костюмах и, главное, с лицами, не менее национальными и не менее красивыми, чем эти костюмы. Они приветствовали восход солнца над Месопотамией. Я так и не знаю, кто они – актеры, жених с невестой или сотрудники местных спецслужб, но они удивительно гармонировали в этот момент с ирреальностью восхода солнца над некрополем Антиоха, над бывшим царством Коммагены, над Междуречьем Тигра и Евфрата, над Уром Халдейским в Турции...

После вершины мы поехали смотреть Арсамею – летнюю столицу Коммагены. Найти ее не просто, особенно после бессонной ночи, но на входе стоит неприметная будка по

отъему денег – верный признак того, что вы на верном пути. В Арсамее сохранилась стелла, где Митридат пожимает руку Гераклу, или наоборот. Видно, и у папы Антиоха с манией величия все было в порядке. Но стелла сохранилась великолепно. Обычно такого рода памятники уже давно стоят в музеях, а тут все на воле, в первородной красе. Самое интересное в стелле – лицо Митридата. Мордочка пухлая, бритая, мальчишеская, чувственные губы чуть изогнуты в полуулыбке-полуухмылке, нос вообще не греческий и не римский, и уж точно не семитский. Интересно! Геракл же – кряжист и низкоросл, ну прямо артист Дуров, но только голый, накачанный, и с дубиной. Смотреть хотелось еще и еще, но солнце лупило не хуже геркулесовой дубины. Пришлось срочно уносить ноги.

Мы поехали вниз и сумели доползти до ближайшей кошмы, где и рухнули. Последнее, что помню – турок в бесконечных штанах, тень от греческого ореха в саду и что-то зеленое вместо подушки – видимо, земля...

Пока водители спали, народ сумел, кляца зубами и размахивая руками, объяснить, чего мы хотим. Турок интуитивно понял, что после Немрут Дага по-настоящему нас волнуют только бассейн и еда. Турецкий сельский бассейн – это неземной кайф. Берешь шланг, подключаешь к водопроводу, заливаешь водой цементную яму десять на десять и с визгом прыгаешь в холодную воду... Что касается обеда, то хозяин с сомнением посмотрел на бегающих в саду безмятежных кур и сказал, что еда будет готова через полчаса. Хорошо, что мы не из общества охраны домашних животных.

У подножия Немрута течет приток Евфрата. Через него перекинут римский мост – кажется, его построил Септимий Север. Хорошее имя для такого южного места.

Неожиданно мы услышали несомненно русскую речь. Меньше всего ожидаешь этого, находясь на краю света между Севером и Антиохом. Ребята оказались из Москвы, два преподавателя и ребенок лет восьми. Путешествуют семьей на велосипеде-тандеме. Денег – ну, понятно, какие деньги у доцента... Поэтому они разработали технологию: прилетают куда-то – скажем, в Стамбул, ищут подходящее место на окраине и закапывают там лишние вещи, оставляя лишь самый минимум и продукты. Собирают велосипед – и вперед, с песней! Вот доехали до Немрут Дага и сейчас собираются стартовать на вершину. Я думаю, Гераклу такие подвиги и не снились...

Жара стояла непотребная, мы скинули одежду и поплыли по мелководью в прохладной и быстрой Евфратской воде. Немрут Даг остался позади!

Теперь немного о Стамбуле. Стамбул – это, разумеется, не Турция, Стамбул – это Стамбул.

Самое интересное место Стамбула – не Ая София, а Подземная Цистерна Йереботан. Сверху ее не видно, пупырь с невыразительной колонной, касса, цена умеренная. И вот – метров 15 спуска в подземелье, и... огромный зал в полумраке, и колонны, колонны, колонны – тысячи колонн (на самом деле штук этак 350), выступающие из воды – повсюду вода, она капает сверху, она образует бассейн

этого зала – 140 метров в длину, но в темноте не видно, все тонет в полумраке и кажется бесконечным, в воде плавают призрачные здоровенные рыбы, играет музыка, переключаясь со звуком капель. Вивальди (или не Вивальди...) Периодически зажигающиеся фонари освещают путь и вдруг выхватывают перспективу – сводчатые арки, отражающиеся в воде, и ко-

лонны. И музыка, и две страшновато-удивительные мраморные головы Медуз Горгон в конце пути.

На самом деле здесь было городское водохранилище в VI, золотом, веке Византии. Вот так бывает: строили прозу жизни, а построили – шедевр. Правда, чаще бывает наоборот... Важно все же строить вовремя. В золотом веке и водохранилище получается удачно само собой. Не знали, что век золотой, строили – как жили, получилось – на тысячелетия.

Следующее замечательное место – это церковь Карие, там византийские мозаики под стать мозаикам Равенны, только старше; они – замечательные... Жаль, я так и не успел там побывать.

Дворец Долмабахче – это на любителя: здесь султан ел, пил, принимал гостей, еще что-то такое важное делал... Гарем, опять же, занимает комнат тридцать: кровать такая, кровать этакая, баньки разнообразные, ковры, люстры и прочая ветошь – но красиво, конечно. 19 жен у него было законных, а все остальные – бонус. Но это, так сказать, султаны XIX века – они сидели на стульях и даже ели за столом. Во дворце Топкапи можно посмотреть, как жили простые падишахи не в эпоху квазиевропейского

декаденса, а в период могучего юношества Османской империи. Хорошо жили, но немного странно.

В Стамбуле есть мечети – много мечетей, очень много очень красивых мечетей, которые очень красиво подсвечены по ночам. Они все делятся на две категории – те, которые построил придворный архитектор Сулеймана Великолепного по имени Синан, и те, которые он не построил. Синан был гений, что там говорить; ему бы жить в эпоху Римской республики – вот где эти монументальные формы смотрелись бы, как родные. А остальные с формами мельчили – но тоже получалось неплохо.

В Турции встречаются самые разные люди. Стою в Стамбуле ночью около гостиницы. Рядом стоит мужик, бритый, но интеллигентный. Бывает и такое. Разговорились, оказалось, что у него достаточно прозрачные идеи. Он мне рассказал о великой Турции, о том, что Турция не проигрывала ни одной битвы на своей территории с XVI века, что будущее ее в надежных руках. Потом добавил: мы будем *rule the country, not govern, but rule*. То есть – мы будем управлять страной, не править, но управлять... О'кей, это наверняка лучше, чем фундаментализм. Он пригласил меня выпить чашку кофе в его кафе. Это не кафе – клуб, сделано все со вкусом и любовью. Похоже, мой собеседник не зря говорит на хорошем английском, да и вообще, не зря говорит...

Еще в Стамбуле есть район гостиниц в конце старого города, забавное место. Если ты хочешь что-либо узнать, то нечего там выпендриваться, а надо сразу говорить по-русски. Если все же вам кажется, что за границей надо говорить на заграничном языке, то говорите по-немецки, неважно что, пусть даже "айнц, цвай, драй" или "хенде хох" – все равно вас поймут лучше, чем на английском. Хотя я шучу – как раз в Стамбуле английский может пригодиться, я же сказал, что это не Турция... Наконец, можно

попробовать пообщаться на иврите, или на французском – для этого есть две стандартные фразы: "шалом" – это когда вам хотят что-то продать, и "бонсуар" – это значит, что рядом – дорогой ресторан. Кстати, о "продать-купить". В первую же минуту, выйдя из гостиницы, я услышал: "А в юанях это будет стоить сколько?" После первого изумления понимаешь, что если ты турист, то и вали своей дорогой, здесь люди занимаются делом. Причем выглядит это достаточно пристойно – идет мелкооптовый бизнес, где всем хорошо: и поставщикам, и оптовикам, и нам с вами...

В Стамбуле принято чистить обувь черным противным гуталином и ходить в коже. Это что-то ненормальное: куча усатых мужиков в коже, чувствуешь себя, как в ЧК. Сколько же они скота изводят ежегодно! Но если человек с тонкой душевной системой хочет совершить ритуальное самоубийство, тогда ему надо идти с заданием купить кожаный пиджак на Стамбульский крытый рынок – классное и ситуативное место, где всего 4000 магазинов, и из них половина торгует этой самой кожей. Оптимизационная задача цена-качество приводит к временному помешательству. Лучше сразу отдаться какому-либо продавцу посимпатичнее и отступить к ближайшей съестной лавке. Еда – это святое, нейтралитет соблюдается на территории харчевен по какому-то местному женеvскому соглашению.

Язык в Турции, как известно, турецкий. Попадают знакомые словосочетания. Слово "остановка" произносится и пишется одинаково – "дурак", запоминается легко. Кстати, "дурак" – слово латинское и означает "суровый", "твердый". Что-то в этом есть настоящее. Не пытайтесь в Турции, как в Италии, просить "one ticket". Говорите, как все – "бир билет", так проще и эффективнее. "Бир" – вообще означает "один", употребляется, в основном, в сочетании "бир миллион", то есть один миллион, причем лир. Сейчас эти миллионы ушли в прошлое, все нулики с банкнот стерли и "дай миллион" Паниковского уже не звучит в Турции так актуально.

Видимо, три четверти Стамбула чем-то торгует. Поэтому надо выучить два важных слова: "йок", что означает "нет", и "гуляй-гуляй", что означает "до свидания", а не то, что приходит на ум. Хотя путеводитель говорит, что "нет" – это "хайыр", а "до свидания" – "аллахысмараладык". Слова эти иногда помогают, но лучше все же с идиотским лицом говорить "спасибо" и стряхивать торгующих с себя.

Есть в Стамбуле египетский рынок. Он находится в мечети на берегу Золотого Рога. Торгуют там в основном пряностями и сладостями. Вот где Восток шибает по ноздрям! Лучше всего закупить на нем "турецкой виагры" – смеси орехов, меда и инжира, потом сходить в баню неподалеку, ну а потом...

А вообще, Стамбул – замечательный город, в одном ряду с Римом, Парижем, Лондоном.

Ну, и наконец несколько зарисовок для тех, кто умеет не воспринимать сказанное всерьез.

Вообще говоря, ездить по Турции просто, но... Если хотите получить настоящий автомобильный кайф – прокатитесь на арендованной машине по Стамбулу в часы пик, желательно около базара. Последнее нетрудно, так как базар – всюду. Все красоты и артефакты истории вылетят из головы, как луч света из темного царства. И если впереди "кирпич" и на вас идет трамвай – ехать надо как раз туда! Или трамвай объедет, или не объедет: значит, не повезло...

Турки очень доброжелательны. Помню, под Немрут Дагом на вопрос "How much?" мы получили ответ "Йок how much", что означает "нет как много, какие там как много, когда такая жара, а эти безумные русские поперлись на гору".

Турция – страна непростая. В Стамбуле на набережной стоит туалет типа "ширакез", ну, на копейку больше. Дергаю ручку – занято. Через минуту выходит оттуда непримечательный такой турок. Хорошо, снова дергаю ручку – снова занято... Интересно! Жду. Еще через минуту выходит оттуда здоровенный детина ростом метра два. Я – к ручке. А там все еще занято... Через пару минут выползает оттуда еще турок, в феске и национальных штанах. Я – к ручке, но уже с опаской, а там – свободно. Захожу внутрь – вроде никакого люка нет, да и места нет, так что – либо они материалizовались из воздуха, либо вылезли из унитаза, либо, как говорится, в тесноте, да не в обиде...

Вообще, чем дальше от цивилизации, тем туалеты эндемичнее. Если вы не собираетесь позировать для скульптурной группы "Лаокоон и змеи" – пользуйтесь шлангами в туалете деликатно, с должным уважением к напору воды. Иначе можно в лучшем случае искупаться без радости, а в худшем... Но других источников воды, как правило, нет, так что – волей-неволей надо постигать эту науку. Попытки с пятой все привыкают, но для страховки лучше первое время ходить в туалет, как в разведку – парами.

Турецкие женщины очень сообразительны. Мы остановились на ночлег в бухте под Фочей: сказочная бухта, чистая вода, ночью нырнешь – а из-под рук вырываются светящиеся серебряные струи; был бы я Ио, так бы и поплыл на быке... Впрочем, это меня занесло, ни быка, ни Ио не было, а была прекрасная бухта и кемпинг в ней – все среди гор. Утром просыпаюсь – нет сандаля, любимый сандаля, 49-й номер, музейная редкость, фамильная гордость... А второй как раз есть. Я говорю: его украли собака, местный пес. Помню, ночью кто-то лизал мне пятки; видно, кемпинговский пес пристрастился за ночь к моим пяткам и стибрил сандаля. Ну, ладно, мы изобразили таксу и перерыли весь пляж – нет ничего, не закопал на черный день, паразит. А пес сидит на призовом месте около кухни и смотрит невинными глазами голубого воришки. Наверное, он его утопил в море... Но у нас были маски, часа за полтора мы нашли кучу античных черепков и прочего мусора нового времени – но нет сандаля! Турки вокруг стали понимать,

что что-то происходит, но не понимали, что именно. Тогда дали псу понюхать второй сандаля. Честно говоря, я думаю, что тот, кто хоть раз нюхал мой сандаля... Ну, короче, выжить-то выживет, но запомнит надолго... Пес – ноль внимания, фунт презрения. В Турции собаки и люди говорят по-турецки, иногда по-немецки. Нам говорят: это очень глупая турецкая собака, она ничего не понимает... Прошло 3 часа – и вдруг с близлежащих гор спускается простая местная женщина с сандалем в руке. Она пошла туда, видно, повинувшись неясному зову –

потому что какого хрена можно еще делать в полуденную жару среди этих колючек! – и нашла незнакомый предмет, который явно не с родной турецкой ноги; сообразила, что последние три часа эти странные русские люди занимались поисками не клада царя Приама и не физкультурой, и даже не сдачей норм ГТО, а искали этот заветный сандаля – и принесла его. Нимфа...

В деревнях турецкие женщины одевают штаны типа "мечта Тараса Бульбы" и носят в неведомых целях на спине вязанки веток величиной с двухэтажный дом. Это нечто – идет кустарник своим ходом, и лишь вблизи из-под него видны ноги в тапочках. И все это на фоне гор.

В Турции руины закрываются, как правило, в 5 вечера. То есть, во многих местах закрываются только кассы, а вот вход на территорию – как раз нет. Летом темнеет позднее, а руины повсюду, так что на сэкономленные деньги вполне можно оттянуться в придорожной харчевне.

Студентам и преподавателям даются скидки, магическое слово "ЮНЕСКО" на ксиве вообще освобождает от платы.

Кемпинги – разные, часто грязноватые, но если избегать гадюшников типа Алании, Кушадаси и самого юга, то вполне приемлемые, а цена от 1.5 до 4 долларов за ночь примирит с чем угодно. За 4 доллара можно получить уже кемпинг с бассейном. Самый лучший из виденных кемпингов – в городке Каш, он просто вписан в море, горы и оливы. Вообще, очень милый городок, сюда приезжает резвиться турецкая золотая молодежь из Анкары.

Дороги, в общем, пристойные. Единственное – вместо асфальта на них может быть налит гудрон. Тогда нужно срочно запастись 10 долларами и ехать в ближайшую мойку мыться соляной – иначе черного кобеля, как известно, добела не отмыть...

При въезде в курдские районы на дорогах попадаются бронетранспортеры. Лучше остановиться.

Всюду, где надо, турки помогут, и всюду, где можно, вас постараются немного надрать. Это входит в сервис.

В Турции постоянно хочется пить. Стоит выучить стандартные цены на напитки. Просто чтобы не быть ффраерами.

Рестораны – всюду. Лягушачьих лапок там не подадут, но и не надо, а вот за 3-5 долларов всегда можно поесть каких-либо козлопродуктов, плюс мясо, свежий хлеб, айран и пиво. В конце еды полагается дыня за счет заведения. Если вас больше 5-7 человек, то надо просить скидку 10%. Как обычно, чем дальше от всех туристских раев, тем еда лучше. Айран с пивом может отбить аппетит на день-другой. Опять же, экономия...

Алабалык – написано всюду на турецких дорогах. Балык, понятное дело – рыба, а алабалык – золотая рыбка, то есть форель. Форель стоит дешево, так как она одомашненная, на комбикормах выращенная, но все равно вкусная. Ее не готовят с изысками, ее просто жарят и подают с овощами.

В Турции продается особое мороженое – караманмараш, его режут ножом, а едят вилок. Потом лучше попрыгать минут 20 – калорий в нем столько, что можно и не выжить...

Даже в самой отдаленной гористой местности в Турции отлично работают мобильники. Если вы посреди Месопотамских пейзажей вдруг услышали "Турецкий марш" Моцарта, не спешите обращаться к психиатру – это звучит чей-то мобильник.

Все горки в Турции кончаются амфитеатрами. Если ими не кончаются, значит – или вы не в Турции, или плохо искали. Амфитеатров много и разных, от их изобилия дуреешь, но хочется еще. Так всегда бывает...

В Турции около развалин обитают туземные гиды. Желательно иметь деньги для их прокорма. Стоит подъехать к любой развалине, как откуда-то немедленно материализуется турок, что-то говорит про нее и немедленно требует денег. Как ни странно, они показывают обычно какую-то изюминку и отработывают свои деньги. Но часто хочется покоя, а отделаться нет никакой возможности. Разве что за деньги. Здесь есть три пути: 1) а-ля-Мандель – дать денег и попросить отстать на русском языке; 2) попросить отстать сразу же на турецком; 3) попросить...

В Турции попадаются знакомые слова в незнакомом сочетании. Так, в Пергаме продавец камней, изображающих знаменитые сцены битв с пергамского алтаря, поинтересовался, как я отношусь к "чеченомахии". Ну, как же: "титаномахия" – битва с титанами, "чеченомахия" – чеченская война.

В Турции можно многому научиться от древних. Мы были в Асклепионе – святилище Асклепия, что в Ионии. Видно, что он

был почитаем не зря. В Асклепионе имеется специальный комплекс для лечебного сна. Как я их понимаю!..

Турция – страна фруктов, варенья, сыра и форели. Турки радушны и любят свою еду так же, как свою природу. Таксист вез нас в Миру мимо вишневых садов и, закатывая глаза, говорил: "Вишне!" – "Вишня", – отвечали мы и тоже закатывали глаза. Потом пошли сады

цитрусовых, и таксист, чмокая, говорил: "Портакал, портакал", – показывая на апельсиновые рощи. "Апельсин", – говорили мы, как будто видели такое в первый раз. "Сибирь, – говорил таксист, – йок портакал". – "Да, – говорили мы, – портакал – хорошо, апельсин – тоже хорошо, Сибирь – нет портакал, плохо". Таксист в избытке чувств остановил такси и принес ветку бледноватых портакалов. Все были счастливы. Уже потом, когда он отвез нас к рейсу на Тель-Авив, ему, возможно, пришла в голову мысль, что мы не впервые видели апельсины на ветках. Но, надеюсь, как пришла, так и ушла, не испортив настроения.

Турция, конечно, многолика. Очень хочется поехать по ней не спеша. Рыбу половить, посмотреть на горы. Розы в Испарте должны быть божественно хороши, а золотые пшеничные поля Анатолии для фотографа не хуже тосканских холмов. Уже 5 лет, как мы запланировали посмотреть хеттскую Турцию, подняться на Арарат, увидеть Ани, проехать по черно-

морскому побережью, где сохранились старинные армянские монастыри и горы утопают в субтропической зелени. Пока не получается. Хочется съездить к знаменитому Вану, в Битлис – на родину Сарояна, в еще многие уголки. Страшновато – все-таки Курдистан, войска, война. Может, все изменится. Я помню, в 80-х мы были в очередной раз в бесконечно любимой сердцем Армении. Оба Арарата – большой и малый – манили и пугали совершенно библейской недоступностью. Мы поехали к каньону реки, недалеко от города Пемзашен. Кажется, реку звали Артик. Поездку организовал профессор Гамлет Микаэлян – человек, который олицетворяет для меня красоту и мудрость армянского народа. Гамлет договорился с пограничниками, и нас пустили на самую границу, к пограничному биноклю. Базальтовое плато было прорезано отвесным каньоном, с его противоположной, турецкой, стороны виднелись стены Ани – одной из древних армянских столиц, разрушенной землетрясениями. Было видно, как среди церквей и монастырей ходят люди – немного людей, но все-таки. Ходят, смотрят, задирают головы, обсуждают что-то. Казалось, что эти люди – все равно, что марсиане, что Ани недоступен навсегда, так же, как Арарат или горизонт. Прошло время, и пришло другое. Можно помечтать с картой в руке. Барьеры преодолеть все же легче, чем изменить сознание людей. Но это – другая тема...

